

18+

Сергей Кравченко

КНИЖНОЕ ДЕЛО

Приключения дьяка
Фёдора Смирного II

Сергей Кравченко

Книжное дело

«Издательские решения»

Кравченко С.

Книжное дело / С. Кравченко — «Издательские решения»,

История появления на Руси книгопечатания темна и запутана. Верить ли нам, что печатный проект случился у нас просто так, из «необходимости обеспечения монастырей и приходов православной литературой и служебными книгами»? Нет, братья! Эти дела просто так не делаются! События такого масштаба происходят при полном напряжении народных сил, на грани срыва, у последней черты. Вот, примерно так оно и было в незапамятные 1560-е годы. Именно такой бомбой явилась на Русь черная строчка на белой бумаге.

© Кравченко С.

© Издательские решения

Содержание

Книжное дело	6
Краткое предисловие автора	6
Главные действующие лица	8
Часть 1. Откровение печатного Слова	9
Часть 2. Крестовое братство	24
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Книжное дело

Сергей Кравченко

© Сергей Кравченко, 2026

ISBN 978-5-0071-0384-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книжное дело

Краткое предисловие автора

История появления на Руси книгопечатания темна и запутана. Запутана не в датах, не в людях, не в цифрах, а в мотивах.

Верить, что грандиозный печатный проект — шаг к массовому распространению грамотности — случился у нас просто так, из «необходимости обеспечения монастырей и приходов православной литературой и служебными книгами», — это все равно, что верить, будто проект «Манхэттен» разрабатывался для улучшения иллюминации в День Независимости. Или, что атомная бомба очень нужна для глубинного глушения рыбы. Можно еще верить, что первые полеты в космос совершались как часть программы построения коммунизма среди инопланетных цивилизаций, или для повышения национальной гордости великороссов.

Нет, братья! Эти дела просто так не делаются! События такого масштаба происходят при полном напряжении народных сил, на грани срыва, у последней черты.

Так будем бдительны! Не пропустим сообщение об открытии управляемого термоядерного синтеза или нуль-транспортировки. Это будет означать, что кто-то наверху очень круто развернул самодержавный бульдозер, широко взмахнул карающей дланью, изобильно присыпал лысые головы золотовалютной манной. И приближаются последние времена. А в предпоследнем времени мы уже живем.

Так не забудем обменять казенные бумажки на крупу, хрен и редьку. Успеем набить подземные кладовые мануфактурой первой необходимости. Ибо надвигается новая эпоха, новый набор бед и радостей, которые мы можем не осилить и не претерпеть!

Вот, примерно такой финт Русская Фортуна совершила в незапамятные 1560-е годы. Именно такой бомбой явилась тогда в мир черная строчка на белой бумаге.

Впрочем, смотрите сами...

Главные действующие лица

Иоанн IV Васильевич «Грозный» — Царь и Великий князь всея Руси, государь многих царств, княжеств и земель.

Митрополит Макарий — глава Русской Православной Церкви.

Отец Андрей — протоиерей Благовещенского собора и духовник царя Ивана (1561—1564), впоследствии (1564—1566) митрополит Афанасий.

Архиепископ Никандр Ростовский — член Собора Русской Церкви.

Лавр — игумен Спасского монастыря под Ярославлем.

Дионисий — командир конницы Крестового братства.

Федор Смирной — сирота из московских жильцов, младший подъячий Большого дворца.

Архип и Данила — послушники Сретенского монастыря, друзья Смирного.

Сидор Истомир — полковник Стременного стрелецкого полка, начальник царской охраны.

Ганс-Георг фон Штрекенхорн — немецкий дворянин на русской службе, сотник Стременного полка.

Иван Михайлович Висковатый — дьяк по иноземным делам.

Елисей Бромелиус — иноземный лекарь.

Прохор Заливной — средний подъячий Большого дворца, друг Смирного.

Василий Ермилыч Филимонов — стряпчий Разбойной избы, затем — старший подъячий Разбойного приказа.

Егор Исаев — палач.

Иван Гаврилович Глухов — старший подъячий Поместного приказа, ближний дворянин царя Ивана.

Волчок и Никита — его подручные.

Борис Головин — новгородский стражник, вольный человек.

Данила Матвеевич Сомов — бывший старший псарь, ближний человек царя Ивана.

Григорий Лукьянович «Малюта» Скуратов-Бельский — ближний человек царя Ивана.

Алексей Данилович Басманов — боярин, полководец, приближенный царя Ивана.

Ярик и Жарик — близнецы—язычники.

Вельяна — русалка, их сестра.

Василий Никифоров, Иван Федоров, Петр Тимофеев — русские первопечатники.

Отец Савва — игумен Сретенского монастыря.

Истома, в крещении Илларион, кот — друг Смирного.

Тимоха, сивый мерин — боевой товарищ Смирного.

Хронология приводится по Юлианскому календарю «старого стиля».

Часть 1. Откровение печатного Слова

Федор Михайлович Смирной, младший подьячий Большого дворца сидел в своей комнате на втором этаже как раз этого дворца и читал книжку...

Надо сказать, что «Михайловичем» Смирного здесь называли крайне редко, — ему недавно стукнуло 19, и мы приводим здесь отчество только для порядка. Но почему бы это отчество и не запомнить? — на всякий случай? Неспроста же этот Федька поселился во дворце, во втором, царском этаже, в одном с государем коридоре, только в другом конце? Роду-племени он считался никакого, в Степенной книге не значился и в Разрядной прописан не был. А без прописки в Москве, сами знаете, как.

Федя остался сиротой в 1553 году, одиннадцати лет, когда его отец, московский жилец Михайла Смирной пропал без вести в казанской мясорубке. Мать тоже потом не долго жила — скончалась от тоски. Федю воспитал ближний Сретенский монастырь. Да так воспитал, что грамотность и ум мальчишки стали заметны постороннему глазу. Царь Иван Васильевич Грозный приметил парня и пристроил у себя под боком — для рассуждений и малого совета. Назначил младшим подьячим, тайным смотрителем великокняжеской библиотеки в 1000 книг! А что был Федька безродный жилец, так на это царь плевал с высокой колокольни имени своего деда, Ивана Великого...

Вы спросите, с чего Грозный приблизил сироту? А почему бы и нет? Во-первых, сословное звание «жилец московский» вполне допускало дворянскую службу, продвижение по карьерной лестнице вплоть до думских высот. Во-вторых, с кем еще царю оставалось водиться? Бояре у него все сплошь были сволочи, изменники, заговорщики. Если не в настоящем и прошедшем временах, то уж в будущем — точно. Порода боярская, принадлежность к великокняжескому роду, генетика, прозрачная до Александра Невского, Владимира Мономаха, Ярослава Мудрого, не давала благородным спать спокойно. Каждый мечтал ходить в шапке Мономаха. И, надо сказать, имел на это реальное право. Если, конечно, не дай Бог, царь Иван умрет, и детишки его безвременно скончаются в страшных корчах.

Короче, в боярах царь крепко сомневался и особо их к себе не подпускал. Особенно со спины.

Но без дружбы нам, русским людям никак нельзя! Такие уж мы общественные существа, охота нам с кем-нибудь делиться радостями и горестями, изливать грешную душу на троих.

И друзья у Грозного были.

Если выстроить эту «дружину» в ряд, получалась очень смешная компания. Ее центр составляли бывшие великокняжеские псари. Так уж вышло, что эти крепкие парни, не шибко благородного помета, спасли в юности великого князя Ивана, вывели на светлый путь — прямо к подножию дворцовой лестницы, на Красное крылечко. С тех пор царь Иван полюбил простых и верных людей. Жаловал он и Федю Смирного. Федя отвечал царю взаимностью, то есть, пропускал мимо уха страшные рассказы о кровожадности и сумасшествии царя, зажимивался на реальные пытки и казни, служил государю словом и делом.

Вот и сегодня Федор читал книгу не от скуки и сытости, а по долгу службы. Книгу эту дал ему почитать лично царь Иван, — хотел получить авторитетное мнение, что за книга, почему такова, да зачем.

Книжку царю подбросил путешественник по святым местам купец Корней Перебакин. В книге описывались воспитательные казни при дворе турецкого султана Магомета. Еще там было наворочено много восточной ерунды, и Феде поручалось выделить из текста смысловое ядро.

Погода клонилась к вечеру, над Москвой разливалось весеннее золото, которого, — что там говорить, — в других странах вовек не увидишь! Федор отвлекся от чтения, достал из шкафа кусок пирога с севрюгой. Стал жевать, глядя в небо.

Вообще-то, на дворе длился Великий пост, и севрюгу есть не стоило. Но пирог попал к Федору как бы случайно. Стряпуха Марфа подсунула его в холщевой обертке, рыбы видно не было, и грех скоромного питания можно было счесть нечаянным, если б Федор точно не знал, что питательные пироги испекли специально для обоза дьяка Висковатого. Иван Михайлович Висковатый заведовал иноземными делами, и уже не первую неделю собирался в поверженную Ливонию — наводить порядок в международных отношениях. А в походе, как известно, пост снимается даже с московского чиновника. Если уж чиновник не снимается с поста...

Пироги в поход пекли на каждый день новые, а вчерашние потихоньку скормливали кремлевским обитателям. Не пропадать же добру!

Федя ковырнул из пирога кусок рыбы, бросил в угол на подстилку, где отдыхал его кот Истома, — существо благородное, но при этом ученое. Если бы существовала особая, кошачья Степенная книга, то в ней Истома значился бы на видном месте. Сам он считал, что на третьем, — сразу после покойной государыни Анастасии Кошкиной и ее брата Никиты Романовича Кошкина. Это было бы справедливо, ибо в кремлевских окрестностях не сыскать и поныне другого столь образованного и заслуженного кота. Воспитанием, галантностью, интеллектом Истома намного превосходил многих думских бояр, представителей княжеских родов, особ царской фамилии. По крайней мере, он не шаркал обувью, не ковырял в носу, не сморкался за столом, не произносил грубых слов. Вот и сейчас Истома чуял рыбу, но ухом не вел. Соблюдал деликатность. Знал, что получит свою долю своевременно и с доставкой.

Покончив с пирогом, Смирной вымыл руки, чтоб не промаслить тончайший арабский пергамент и продолжил чтение...

Вы спросите, неужто Федор такой грамотный, что даже по-турецки понимает?!

Конечно, грамотный! Монастырь дал ему углубленное знание церковно-славянского, греческого и обиходно-русского языков. Секретные приложения к русскому Федор впитал на московских рынках. Европейские языки изучал самостоятельно, и знал довольно по латыни, чтоб разбирать католические мерзости. Так. Еще, конечно, немецкий, — доньше самый четкий и незамутненный из живых языков. Без немецкого в те годы просто делать было нечего. На нем разговаривала вся Прибалтика, велась основная переписка с границей. Даже в исконном нашем Новгороде без немецкого языка неуютно становилось, можно было упустить на базаре какой-нибудь важный смысловой оборот.

Смесь немецкого с нижегородским и латынью давала вполне приличное понимание английского и голландского языков. А если сюда добавить с полбутылки романей, то и французский проступал осязаемо.

А турецкий?

А вот, чего нет, того уж нет.

А как же султанскую книжку читать?

А по-русски! Турки инструкцию казней для царя Ивана специально перетолмачили с помощью русских рабов. Переплели в чью-то кожу, украсили золотом и бутылочным стеклом, снабдили шикарной зеленой закладкой с цитатой из Корана.

Отчего такая предупредительность? — Очень хотели басурмане угодить белому царю. Слыхали, что он знаток тонкой казни. Гурман.

Итак, центральным сюжетом восточной сказки было неуклонное истребление коварных придворных, кляузников, клеветников, сутяг. Их следовало отбивать специальным кухонным инструментом до мягкости, очищать от кожуры, вымачивать в уксусе и специях, солить, вялить на солнце, жарить на шампурах, варить в трех водах и масле, разделять на отдельные члены. Экспонировать эти члены в людных местах...

Федя равнодушно читал турецкие откровения и не находил ничего нового. Весь восточный колорит, весь южный темперамент заслонялся одним страшным, обидным явлением, зиявшим на каждой странице. Ибо эта книга не была манускриптом — то есть, рукописью, она была напечатана!

Вот кошмар! Если даже турки приобщились к чудесам печатного слова, то как же опасно стало жить на свете! Понятно, что турки не сами дошли до высот полиграфии, это им французы притащили станок и шрифты, — назло нам, русским. Теперь басурманская зараза широким потоком потечет в читающие массы! Хорошо, что этих масс у нас пока не имеется.

Замеченную опасность — печатную форму турецкой книжки — Федор и выделил в качестве сути. Именно это следовало донести Ивану Васильевичу. На остальное не оставалось ни аппетита, ни нервов.

На следующий день пробуждение царя вышло спокойное, тихое, и Федор доложил о книжке во время одевания.

Рука царя на секунду застряла в рукаве, голова — в вороте белой рубахи. Царь зашевелился внутри, как птенец в скорлупе яйца, — если вообразить, что яйцо может быть мягким. Наконец, в «трещину» шейного разреза высунулся «клюв» царской бороды, затем показался голубой глаз «новорожденного» властелина.

«Птенцу» тут же поднесли малиновый морс, и хор вновь подоспевших бояр сладенько пропел: «Добро ночевали, Государь и Великий князь!».

— Так, значит, говоришь, турки? — спросил у хора Грозный.

Хор опешил.

— Турки, — ответил вне очереди Смирной.

Хоровые бояре пронзили его черными оптическими стрелами.

— И печать не божественная?

Хоровые перекрестились, как по команде, и отступили на шаг.

— Нет, житейская. Ну, всякие там «слава-Аллахи» на каждой странице рассыпаны, но не в корень, а так, для присказки.

Бывший у одевания царский духовник отец Андрей тоже перекрестился и последним покинул огневой рубеж.

— Ну, а нам что с того? — Иван задумался вслух и перестал помогать одевальщикам.

Сопляк Федька продолжал нагло, не в чин, совершенно неуместно с точки зрения опытных царедворцев, отвечать царю, — даже без вежливой паузы, каковую следует делать для изображения своего холопьяго скудоумия.

— Да пока ничего. А там видно будет. Обдумать нужно.

— Ну, подумай, подумай...

Думские бояре захлебнулись ревностью. Царь продолжил одевание, а Федька вымелся вон. Даже не в пояс поклонился, червь!

Иван Васильевич читал по-русски вполне бегло, красноречием обладал великолепным, ораторская энергия в нем крылась мощная. Многие считали ее параноидальной, истерической, другие — величественной. То есть, царь был человек ученый, грамотный. Однако, любил, чтобы в конце трудного дня кто-нибудь почитал ему вслух сказку, Евангелие, поучение какое-нибудь. А других книг на Руси тогда почти не было.

Вечером во вторник 22 апреля 1561 года Федя Смирной сидел на скамеечке у царской постели и читал Откровение апостола Иоанна, которое царь и так знал наизусть.

Иван лежал на резной кровати в сапогах и по диагонали — так он упал после ужина — спиной вперед. Принятый в компании псарей «малый», постный, градус оставлял в голове царя

узкий зазор для восприятия евангельской морали. В эту щель как раз и вливались беспредельные слова Апокалипсиса:

«И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля...»...

— Вишь, Федька, — тоже грозен царь небесный. А нас укоряют! Ты мне скажи, «белый престол», значит белый и царь?

— Выходит, белый, — согласился Смирной.

— А какие белые у иудеев? Они все больше смуглявые, чернявые. Получается, Бог не у них, а у нас?

— Правда твоя, государь, — Федя даже обрадовался, что Грозный столь логичен и прозорлив. Может ему нужно чаще «кровь Христову» употреблять? Глядишь, людская целее будет?

— «И увидел я мертвых — малых и великих, стоящих перед Богом, и многие книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни...»...

— Что-то я в этих книгах запутался. «Многие книги», «иная» книга, — к чему их столько?

— Ну, «многие» книги мертвые с собой притащили. Они при жизни записывали туда свои подвиги, достижения, славу себе прибавляли. А явились на Суд, — пожалуйста! — тут своя книга есть. В ней написана вся правда. Ты читаешь Богу, что заботился о народе, а Бог по своей книге сверяется, что ты, грешник народ до смерти узаботил, разграбил, растерзал...

— Ты полегче там! Читай давай! — Грозный завалился за подушку.

«... и судимы были мертвые по записанному в книгах, сообразно с делами своими...»...

— На каждого столько бумаги, чернил, писцов! Разорение государству! — царь начал дремать, бормотал сквозь сон. Федя стал закруглять чтение:

— Но зато «...кто не был записан в книге жизни, был брошен в озеро огненное...».

Царь вздрогнул всем телом, ударил каблуком в спинку кровати, будто его погружали в кипящую серу.

— Скажи Висковатому, пусть шлет к туркам за печатной наукой. Надо разузнать, как они книжки делают. Чай мы не хуже турок. Будем печатать большую книгу, чтоб в ней все люди были видны и вся Русь!..

Царь спал. Ему снилась огромная Книга. Тяжелый переплет лежал на Красной площади, верхняя, обитая золоченой кожей крышка, откинулась через реку, и по ней несметной толпой шли из Замоскворечья люди — великие и малые, живые и мертвые. Они проходили мимо храма Покрова, крестились и шли дальше, в самый центр огромной белой страницы. Тут одни растворялись в нижних строчках — среди торговых рядов и на Лобном месте, — другие добивались до кремлевской стены, и здесь превращались в мертвые буквенные закорючки. Лишь немногим удавалось перебраться за верхний край страницы и прилипнуть поминальным золотом к Кремлевской стене. Ивану это очень не нравилось: «Погодите, черти! Я вам выпишу! Будете у меня святые стены поганить!».

Страницы Книги перелистывались по мере заполнения и принимали все новые и новые толпы народу.

Иван стоял на стене и смотрел в Книгу сквозь английскую трубку с дальнотзорными стеклами. Его не интересовал каждый человек, входящий на страницу, не волновали муки грешников и жертвы праведников. Его занимал сам процесс. Вот только что ты шествовал в боярской шапке, а вот уже валяешься на белой поверхности и расплываешься в грязную кляксу, обращаешься в скромную буквицу, в ноль. И шапка твоя бобровая чернеет на похоронном снегу едва заметной точкой...

Иван засмотрелся на красивую девушку, безвременно вышедшую в центр страницы. Сначала с нее упала соболья шубка, потом растаяли нарядные легкие одежды, и в короткий миг,

пока она голая превращалась в заглавную букву «Ж», Иван утратил книжное направление мысли...

Дальше сон покатило по привычной ночной колее. Книга исчезла, голая девка передумала становиться буквой и полезла на кремлевскую стену прямо к Ивану, страшно царапая крашеными когтями красный кирпич...

Федор потихоньку вышел от царя и пошел по ночным переходам в заветное место — Великокняжескую библиотеку, смотрителем которой он числился с прошлого лета. Впрочем, об этом чине во дворце почти никто не знал. Не знали и о самой библиотеке, так что Федору гордиться было нечем. Вот он и не заносился.

Библиотека находилась в многолетнем забвении в тайной палате «под двойными сводами». Так старые люди называли помещения кремлевской стены. У двойных кирпичных сводов — собственно книгохранилища и стеновых перекрытий — имелось важное достоинство — пожаростойкость. За последние 100 лет Москва несколько раз сгорала полностью, в Кремле не оставалось ничего деревянного, тем более, бумажного, а библиотека каждый раз была спасена Богом и многослойным кирпичом. Ученый монах прошлого княжения Максим Грек как увидел в 1519 году ее сокровища, так чуть не помер от изумления: «Такого книжного богатства нет ни в Греции, ни в Италии!». Максим вздохнул рассказывая о сундуках с тысячей книг, о пергаментных в золотых переплетах. У беспокойного Грека уже и руки тряслись, — так хотелось добраться до императорского наследия. Он впал в непозволительное вольнодумие. Стал приставать с идеей правки московского служебного канона, вообще всех правил церковного бытия. Пришлось его загнать куда подальше — в монастырские покои. Но и тут беда! В Иосифовом Волоцком монастыре, куда поначалу пристроили Грека, оказалось 1150 книг, из них 15 печатных! Перегнали Грека через реку Волгу — под Тверь. Тут получше было — всего 50 рукописных книг строгого содержания.

Вот такая страшная зараза — книги! От них одни напасти — разрушение личности, гибель души, смерть и разорение.

Но книги — только оружие. Мы же не перестаем ковать мечи и копья, оттого, что они опасны? Нужно просто присматривать за острыми предметами, не давать их в руки детям и простолюдинам.

Библиотеку заперли на несколько десятилетий. И правильно сделали, ибо Великокняжеское собрание сочинений, это вам не монастырский постный набор. Эти книжки свезены со всего света, особенно много их прибыло из Константинополя после сдачи православной столицы в лапы басурман. Библиотеку хранили как символ павшей Империи. Это было похоже на сбережение старых дедовских безделушек — пользоваться нельзя, а выбросить жалко.

Но книга — не безделица. У нее есть возраст, но нет старости, есть ветхость, но нет смерти. Просвещенный государь Иван Васильевич понимал это и приоткрыл книжные покои для умного раба своего Федора.

И Федя заболел книгами. Что-то неуловимое исходило из нагромождения чужих знаний. Казалось, еще чуть-чуть повозишься с томами и свитками, и на тебя снизойдет великое откровение. Все станет понятным и простым. И ты усмехнешься: «Как я не додумался до этого раньше?».

Иван Васильевич надеялся, что именно здесь, в словесных запасниках Византии хранится жизненная сила тысячелетней Империи. Должна она где-то остаться? Не могли бесследно исчезнуть великие труды сотен поколений талантливых людей — искусных мастеров, знаменитых полководцев, путешественников, философов. Царю Библиотека представлялась зернохранилищем. Пусть сгорела земля, взрастившая эти зерна, иссякли реки, питавшие нивы, истлели пахари и жнецы, но семена-то живы? Вот — новая земля, она вырастит, напоит и накормит их. А вот — новые люди. Они пока не столь искусны и сведущи, зато — чисты в своем невежестве, легки на подъем, наполнены детским любопытством.

Короче, в книжной премудрости Иван искал рецепт своего собственного имперского строительства, ибо пример Византии для Руси был не просто источником вдохновения, не только культурным ориентиром. Византия вошла в наш генный набор. Разбуди и сегодня русского властителя, освежи хлопком по затылку, спроси вежливо: «Куда, батюшка прикажешь править?». — «На Царьград!» — прикажет батюшка, опрокидываясь в подушки.

Федя искал в Библиотеке тайные знания уже год, и понимал, что ничего конкретного, типа «Сим-сим, откройся!», тут нет. Зато общее впечатление выстраивалось серьезное. Сила библиотечных книг была в их единстве и многообразии. Как и люди, они только все вместе выстраивались в непобедимое войско, отвечали на любой вопрос, обобщали опыт, горе и радости исчезнувших поколений.

Поэтому, спроси Федьку, в какой книге есть ответ на такой-то вопрос? Он почешет затылок и промычит, что надо поискать.

А спроси его вообще, что он думает по этому вопросу, он и чесаться не станет, — сразу влепит в самую точку! Вот что такое вооруженный человек!

Хотелось и царю Ивану вооружиться для своих дел грозно и сильно!

Иван то спал, то впадал в бессонницу.

Если бы утром его спросили, что из увиденного и надуманного в ночь накануне Егория голодного было порождением разума, а что — призраком сна, Иван открестился бы легко: какие призраки в сочельник великого богатыря Егория? Он змея топтал копытами, колол копьем — всем известно! А уж с «призраками», с нимфами, наядами ему ли, мужику, не справиться? Иван и сам бы с ними сладил, попадись только!

После видения голой девки на кремлевской стене Иван встал, выпил кваску, успокоился, поплевал из приоткрытого окна в лунную лужу, но прекратил детское занятие, потому что лунное отражение напоминало дорогое лицо, скрытое теперь навек гробовым мрамором.

Иван кликнул чего-нибудь поесть, но вспомнил про пост, бросил звать служку, достал из сундучка копченый окорок и стал закусывать. Закуска, естественно, чередовалась с выпивкой.

Царь Иван вдовел уже 9 месяцев. Его первая жена Настя, мать наследника Ивана и младшего сына Федора, скончалась в августе прошлого года от непонятной болезни. Расследовать болезнь удалось Федьке Смирному и воровскому сыщику Ваське Филимонову, и вышло, что царицу отравили. Поэтому любую выпивку Иван начинал с внутреннего тоста за упокой любимой жены. Вторую здравицу произносил тихим шепотом — за собственную пищеварительную безопасность. В третий раз выпивал уже по-нашему, громко — за мужское и денежное благополучие.

Вот и сейчас Иван перекрестился на Луну, хотел выпить, но замер с раскрытым ртом. Он обнаружил комичный парадокс в том, что пьет в нарушение Великого поста, в ночь на постную же среду, в канун Егория Голодного, названного так за весеннюю бескормицу, при этом прощения у Бога не просит, а обращается к Луне, как последний казанский басурманин. Казалось, именно Аллах смотрит на него из-за спины Ивана Великого и подмигивает раскосым лунным глазом. Но и Аллаху Иван грубит: кусок копченой свинины на столе как раз выползает из лунной тени и бессовестно подставляет ляжку всевышнему взору. Вот точно такие же прикопченные бедра были у той крали на стене. Не захотела, тварь, в Книге растворяться!

А сколько их таких бесполезно превратилось в буквы?

Вот, например, благородная боярышня Щербатая. Несмотря на ущербное прозвище, зубки имела ровненькие, взгляд шаловливый. Старый князь Щербатый ночей не спал — сторожил свое чадо. Опасался греха. Очень уж девка зазывистая была. Но только глазами. А прижми к стеночке, — такой визг поднимет! Блудливая недотрога. Каких женихов ей отец не под-

водил, — все не то. А скончалась бесполезно, от летучей заразы. Лежит теперь в часовенке фамильной, переживает. Готова отдаться любому стрелцу, лишь бы жить! Да и шлюшкой в шалмане служить согласилась бы, а нельзя...

Иван задумался над схемой раскаянья в безгрешности и продолжил выпивать. Картина разворачивалась занятая. Выходило, что при обмене целомудрия на жизнь, улицы Москвы наполнились бы гулящими бабами всех возрастов и сословий. Очень обидно становилось отцам благородных семейств наблюдать поругание родового достоинства. Зато и сами, — Иван рассмеялся в голос, — не очень-то по девкам бы шастали. А ну, как на мать родную угодишь, — покойную с кудрявых лет?!

«Ох, комедия грешная! — улыбнулся Иван, — хоть в книгу записывай, а то до утра забудешь. Сколько чудных снов кануло в бездну!»...

Царю вспомнилась вечерняя беседа со Смирным. Огромная Книга на Красной площади соединилась вдруг с реальным явлением — печатным ремеслом, и мысли потекли в серьезную сторону.

А что, если правда, — написать Книгу Всея Руси? Чтобы в ней были не только церковные наши правила, не только списки столбовых родов, но и каждый человек обозначался?! Родился ты, — пожалуй в запись! Сразу видно, сколько ты должен в казну, каких наград удостоен, какова сумма твоих дел. А помер — отмечайся за упокой во всероссийских святцах.

Книги-то у нас пишутся. В монастырях, в приказах. Степенная книга есть, Разрядная, Номоканон. А так, чтобы всю Русь записать и перечесать, — этого нету.

А между тем, в книгах — огромная тайная сила! Вот, Божьи заповеди — через Книгу к людям попадают. Если так же преподать наше, царское Откровение, то сила книги войдет в людей, в государственное устройство. И люди станут послушны царю, как они послушны Богу, а государство придет в порядок...

И ведь, это — чудо! Как до этого раньше никто не догадался! Евангелисты своей жизнью пожертвовали, чтобы втолковать нам, глупым: «В Начале было Слово!». А мы послушали, посмотрели и подумали — это не про нас! У евангелиста Иоанна Слово **было**, потому что он и сам **был**. А мы — **есть**! Значит должны понимать, что в любом Начале **есть** Слово!

Иван занервничал, возбужденно задвигал челюстями.

Вино скоро кончилось, свиная ляжка оголилась до кости, кость вылетела в окно и плюхнулась в лужу, где уже, — слава Аллаху! — не было Луны.

Иван стал ходить по комнате. Новые фантазии приходили в голову, призрак Великой Книги вставал из-за кремлевской стены, заслонял звезды, отражался в золоте соборных головок.

«И таким путем снизойдет благодать на наше царство! Говорили мне умные люди, что народ нелюбознателен, скорбен на голову, а я не верил, казнил клеветников без разбору! А всего-то и нужно, — дать каждому слово Божье, но и слово государево! А это что? — всех учить грамоте? Не обязательно! Они в церковь и сейчас неученые ходят. Поставим особых, мирских попов, пусть проповедуют наше Слово! А научатся читать — не беда. Создадим мирские, земские приказы, чтоб надзирали за народом...».

Тут великолепные построения переполнили голову Ивана, винный состав смешался с фантазиями, и он не выдержал. Следовало немедленно с кем-то поделиться.

Иван выбил дверь в коридор, закричал: «Смирного сюда, Смирного!».

Прибежала стража. Царь ревел нечленораздельно. Сонные стрелцы поняли только, что Федьку Смирного за какие-то чернокнижные штуки следует немедля найти, притащить к царю, — желательно живым.

«Пытать будет страшно!» — ежились стремленные, убегая по переходам.

Но не так прост оказался колдун Федька, чтоб дожидаться стражи в своей камерке. За высаженной дверью обнаружилась несмятая постель, кусок скоромного рыбьего пирога, и

страшное чудище с зелеными глазами в темном углу. Бойцы с дрожью отступили в гридницу для доклада.

За дело взялся подполковник фон Штрекенхорн. Он построил личный состав, послал в стрелецкую слободу разбудить полковника Истомина, объяснил наряду важность задачи, вздохнул про себя о рабе Божьем Федоре, — славный был парень, но грамота до добра не довела!

Три караульные группы отправились прочесывать Большой Дворец, Кремль, внутренние монастыри.

В Стрелецкой слободе с пробуждением полковника Истомина ударили в набат. Государственная измена, отягченная колдовством, да еще прямо в Кремле случалась не каждый день. Народ принял удары в малое било за призыв к пожаротушению. Схватил багры, ведра, факелы — чтоб виднее было, где горит. От этого и загорелось. Однако, огонь по апрельской прохладе погасили быстро.

Поиски преступника шли до утра совершенно безуспешно. На ноги поставили весь город. Половина москвичей больше не ложилась, — так и дежурили с баграми во дворах и на крышах.

В Кремле спали только четверо. Царь Иван лег досматривать сон о голых девках во все-русской Книге. Засыпая, он отметил, что рисунки в ней тоже должны быть непременно.

Младший царевич Федор мучился вздутием живота, однако страдал во сне, не поднимаясь по надобности.

Его тезка — книжник Федор Смирной — спал в тайной библиотеке, положив голову на кожаный том византийского Прелестного Синода. В этой книге мечты царя об иллюстрированной порнографии были воплощены в полной мере — красочно и забавно. Поэтому сон Феди был глубок, ярок, многолюден и многоблуден.

Четвертым спящим был главный дворцовый кот Истома. Ему хватило разума не поддаваться на глупости. Реального пожара, землетрясения, нашествия татар и Антихриста он не предполагал. На этот счет у котов чутье точное.

Утром расхристанный Штрекенхорн явился к царю доложить, что вор очевидно скрылся из Москвы, так не нарядить ли дальнюю погоню? У двери в малую палату дежурила штатская стража — Данила Сомов с двумя громилами из псарей. На просьбу об аудиенции Штрекенхорн удостоился благосклонного кивка Данилы:

— Обожди немного, Ганс. Государь совещается по важному делу.

— С кем? — неуместно спросил Штрекенхорн.

— С царским советником, стряпчим Федор Михалычем Смирным, — важно добавил Сомов.

Штрекенхорн присел на лавку подумать: ждать приема или убираться от греха? Он чувствовал себя дураком:

«Вживаюсь в необъятную страну. Десять лет службы даром не проходят. Dummkopf in Dummland!»

Впрочем, резон дожидаться был. Государь мог заорать, чтоб Смирного хватали прямо здесь. Да и приказа никто не отменял, долг обязывал преследовать дичь до последнего предела. Можно считать, что мы его досюда и преследовали.

В горнице царя, тем временем, беседа шла спокойно, криков не раздавалось, и Ганс-Георг фон Штрекенхорн задремал, опершись на тяжелую офицерскую саблю.

Царь и Федор разговаривали заинтересованно, умиротворенно. Так большие ученые выдерживают профессорский стиль на пороге великого открытия, когда основные постулаты законспектированы, проверены, и никуда это открытие увильнуть уже не может. На свет появляется фарфор из академического ресторана, индийский чай размягчает и без того мягкую булочку с изюмом, и все произносимые фразы ложатся точно на предназначенное место. Так

же укладывается последний ряд кирпича в здание храма. Но разве можно сравнивать бренное здание с вечным знанием?

С утра Ивану казалось, что ночные видения — пустой бред, игра безответственной фантазии. Часто человеку бывает стыдно за сонные надежды, пьяные мечты, любовные обещания. Но разве не из них рождаются великие военные и хозяйственные свершения, создаются династии?

Сегодня Федька Смирной вошел вовремя.

Уселся на скамеечку у ног самодержца, и как бы продолжил вчерашнюю речь:

— К туркам посылать за печатью нелепо, государь. У них, небось, один станок и пара буквенных наборов. Пока доедем, станок сломают, буквы растеряют. Да и не отдадут. Надо ехать к немцам, в завоеванные земли, в Европу. И своих мастеров искать.

— Откуда свои?

— Найдутся где-нибудь. Пушки лить научились, колокола льем великие. А уж мелкую букву тем более отольем. И дело тут не в способе печати...

— А в чем же? — Иван удивленно поднял брови над черпаком кваса, похмеляясь медленными глотками.

— Дело в самих книгах. Не **как** печатать, а **что** печатать, — вот вопрос...

Освежаясь квасом, Иван обнаружил, что помнит сон до последней капли, и начал излагать Смирному идею всероссийской Книги. Он не пересказывал сон в подробностях, — постеснялся сказать о когтистой шлюхе, блудливых покойниках, а тем более, о луне и Аллахе, зато добавлял новые мысли и фантазировал по ходу речи. В этом обнаружилось острое удовольствие. Особенно приятно было, когда наивные, сказочные темы вдруг обретали черты реальности, вполне укладывались в политический механизм царства.

— Ты мне читал Апокалипсис не в первый раз. И что тебе там главным показалось? — строго, по-учительски спросил Иван Смирного.

Федька вдруг ощутил себя учеником, младшим воспитанником Сретенки. От этого мысли в голове оцепенели, язык отяжелел, глаза перестали поворачиваться:

— Ну-у.. — замычал он, — в Откровении святого апостола Иоанна Богослова содержится завет о пришествии Царства Божьего...

— Ты дурочку не валяй, — хмыкнул Иван, и Федора отпустило. Глаза загорелись, в позвоночнике исчезла упругая спица.

— Вообще, это книга мощная, — сказал Федор.

— Ну, давай, давай, — чего в ней мощного?

— У них там все грохочет, движется. Ангелы летают во все стороны, бабы вопят в экстазе и тут же рожают прямо при мужиках, блудницы гуляют по Вавилону стадами, — красота! Море кипит небесным нектаром или серой, царь небесный носится на облаке неустанно, таскает этих бл... блудниц вавилонских за волосы, небесное воинство лупит десятиглавых и двенадцатирогих чудищ. Короче, там никто не сидит на месте...

— Вот! Вот!! — радостно крикнул Иван, — Вот!!! У них идет настоящая жизнь! Это же и нам завет — не стоять на месте, крутиться, не останавливаться, ежечасно отделять добро от зла, рубить злые головы, рвать поганые языки, любить добрых, и... — Иван задохнулся, глаза его сверкали на выкате, он потянулся к ковшу, громко глотнул квас.

— ... сбивать им рога, — предложил Федька.

— Дурак! — хохотнул Иван, — рога само собой, но главное, — нужно строить царство земное!

— А Божье?

Иван задумался на мгновение, потянулся за сливой в сахаре, потом сказал уверенно:

— Знаешь, Федька, я думаю, нас запутали с этими царствами. Царство Божье, царство Небесное и царство Земное — три разные вещи. Царство Небесное — на небе, для праведников, это понятно; царство Земное — на земле, для всех живых; но царство Божье — пожалуй, и не царство вовсе. Я думаю, оно — это все, что есть под Богом. Ведь Бог — владыка и грешных и праведных?

— Угу.

— Ну, нам в эти дела лезть не приходится, — продолжил Иван, — нам свое, Земное царство нужно настраивать! И знаешь, как? — глаз Грозного скосился на Федю.

Рассуждать о строительстве царств Федьке было все-таки опасно — мало ли, когда могли припомнить, вот он и пожал плечами.

— А так! — Иван поднял палец, — по Откровению Иоанна...

— Грозного! — выпалил Федя, округляя глаза.

— Богослова, дубина! — Иван расслабился, стал жевать сливу, а Федор сделал скучное лицо. Так надуваются дети, когда им объясняют, что дед Мороз на самом деле — алкаш из соседнего подъезда.

Иван тоже проникся критическим моментом: вот был крутой замах, а теперь опять все к поповщине свести? Выплюнул косточку.

— Но нашу Книгу написать нужно! От Богослова мы должны взять мощь, скорость, воздаяние по грехам, неотвратимость казни!

«Апокалипсис всяя Руси», — поежился Федя.

— И тогда наше царство Земное точно станет Божьим! — подвел черту Иван.

Потянулась длинная пауза. Иван и Федор притихли в палате, Сомов и Штрекенхорн молчали у входа. Каждый думал о своем...

Штрекенхорн вспоминал рейнские виноградники, немецкую тишь да гладь. Сравнивал картины юности с беспредельными хлябями весенней России. Однако, мысли о возвращении у него не возникало. На родине он до сих пор ходил бы младшим командиром, — род Штрекенхорна ни на что серьезное в системе германских княжеств не претендовал. В Германии вообще карьеру сделать трудно. Немцы все расписывают на поколения вперед. А тут он — величина! Второй человек в царской лейб-гвардии. Даром, что в Стременном полку еще три сотника есть, — Ганс признанный подполковник, организатор всех охранных дел. «Нет, надо служить!» — подумал Штрекенхорн.

Данила Сомов тоже думал о продолжении службы. Его взлет при дворе Ивана был еще круче. У Сомова даже штрекенхорновского, фиговенького дворянства не имелось. Карьера Сомова строилась на странном, понятном только ему самому, щекочущем явлении! Данила был уверен, что очень нужен царю! Конечно, Данила совершенно не знал математики, но кривую собственного взлета — параболу или гиперболу — ощущал печенкой. Эта кривая пружинисто изгибалась под давлением времени, взмывала ввысь, конец ее скрывался в заоблачном тумане, окружавшем царский трон.

Вы будете смеяться, но по сути, бывший псарь Данила Сомов был сегодня единственным человеком в Кремле, который собственной шкурой, собачьим нюхом, беспородным ухом чуял, как прогибается время под старым Русским царством, как звенит напряженный, опасный завтрашний день. И Данила готов был встретить его. Так русская борзая прогибается, повинувшись инстинкту, — еще не видя зверя.

Федор Смирной думал о царе Иване с большой буквы.

«Вот Человек! Страшен, Грозен, Силен!

И что-то он задумал на нашу голову?!

Что-то Огромное, Страшное, Грозное, Сильное!».

У Федьки получился почти стих, и он тоже был прав. Его предчувствие перемен было иным, чем у Сомова. У Федора напрочь отсутствовало предвиденье катаклизма, звон поджигалок в нем заглушался разумом, зато Федор хорошо считал в уме и на бумаге, читал по лицам, помнил исторические аналогии. Если бы некто посторонний, — например, Этот — из Царства Небесного, — захотел нанять тварей своих для сыска, он не нашел бы лучшей пары, чем Смирной и Сомов. Правда, Сомов вряд ли согласится бегать в ошейнике и на поводке.

Сейчас Федя четко определял ужас скорых и больших перемен...

Но почему ужас? Разве не здорово скакать верхом сквозь пламя с развернутым знаменем и обнаженным мечом? Разве не прекрасно подставлять молодое лицо свежему ветру и вдыхать дым отечества? Разве не почетно пасть на поле брани под великокняжеским знаменем?

Здорово!

Прекрасно!

Почетно! — примерно до третьего класса средней школы, до третьего года монастырского послушания.

А без сметаны отдыхать в гнилом болоте под Новгородом?

А самому превращаться в вонючий дым отечества?

А сгинуть безвестно в глинистой яме под гнойными тряпками, мало похожими на великокняжескую хоругвь?

Нет, перемены — дело кислое, но, увы, неизбежное в нашем царстве. Слишком часто у нас на троне оказываются любители авантюрного чтения, слишком часто их любимой книжкой остается Апокалипсис...

Царь Иван тоже думал молча. Можно сказать, его мысли были самыми стройными, системными, логичными из всей задумчивой компании. Иван находился сейчас в редком состоянии, когда в голове нет места для истерики, раздражительности, пустых выходок. Как и все параноики, он был подвержен мгновенным вспышкам продуктивной концентрации, высокой энергии, четкой логики. В эти мгновения он действительно был великим самодержцем — самодостаточным, неукротимым, гениальным. Ему сейчас вообще не нужны были советники, бояре, дума, народ. Он не гнал их от себя, и сам не уходил в пустыню только потому, что боялся спугнуть свою царскую Музу — богиню всепоглощающей власти.

Федя видел состояние царя и попытался мышью пробраться к двери, тем более, что ему тоже хотелось слив в сахар. Но Иван остановил его:

— Ты вот что, возьми Откровение и переведи.

— С какого языка? — не понял Федор.

— С русского. С какого ж еще? Хотя, можешь и с греческого долбить... Нет, с русского давай! Я сравнивать буду...

— Как же?... С русского? На какой?.. — Федя ошалело вылутился на Грозного.

— Уж не на матерный. На наш, человеческий язык переводи! Не понял? Ну, чтоб там не было дурацких зверей двенадцатигогих, а так прямо и стояло: «Поляки», «Турки», «Ливонский орден». Понял?

— Понял, государь. — Федя пошел, потом вернулся, приблизился к Ивану.

— Ваше величество, а Царь Небесный?.. С ним как быть? — голос юноши дрожал натурально. Он поднял глаза на Ивана и замер. Царь сидел в кресле, выпрямив спину. Полуденный свет острым лучом очерчивал его крупную голову. Копна редких черных волос переливалась золотом, и лысина в просветах сияла нимбом. Властелин опустил на раба своего грозный взор и сказал:

— Помни, всегда помни, Федор, кто твой царь!

— Ца-а-р-рь! — кинулось под ноги убегающему Федору каменное эхо.

На выходе Сомов и Штрекенхорн остановили Федю немым вопросом: «Ну, что? Как там?».

— Служба, — ответил Смирной, — много службы, — на всех хватит. Надо служить. Штрекенхорн заметно вздрогнул, — очень созвучны были слова отрока его мыслям. Сомов тоже рябушку в холке почувствовал: «Ведьмоватый парень!».

Дворцовый подьячий Прохор Заливной присутствовал в комнате Федора Смирного по двум причинам: как формальный начальник и как личный друг. Как начальник Прохор был обязан поучаствовать в книжном разбирательстве. Глава приказа Большого дворца престарелый дьяк Володин услышал единственным чутким ухом, что государь озабочен книжными чудесами и поручил распутать клубок печатной премудрости младшему подьячему Смирному. Дьяк решил проявить осторожное рвение в сомнительном вопросе, но сам в эту ересь не полез, а направил на укрепление следствия Прохора. Володин решительно не доверял Смирному, а Прошка выглядел очень надежно: к этому молодому, упитанному, розовому парню с улыбочивой рожей и откровенной лысиной, казалось, не мог прилипнуть никакой из популярных грехов.

Прохор с радостью отвлекся от дворцовой толкотни. В эту весну новых боевых действий не начинали, войско отдыхало в Прибалтике, занималось мелкими зачистками, и вперед пошли дьяки иноземных дел. То есть, основной пот теперь изливался не кровавыми ручьями, а чернильными реками.

Грамотным служащим Кремля стало тошно. Дьяк Висковатый никак не мог выступить в Дерпт. От суеты и ужаса «военного» похода этот достойный чиновник даже похудел, говорили — на целый пуд! Он развил чудовищную бумажную волокиту, ежедневно его приказ сочинял десятки писем, наставлений, вопросников. В вопросниках перемывались нынешние и грядущие проблемы, связанные с новыми завоеваниями Московской державы. Вот, например, чем не судьбоносный вопрос: «Способен ли ливонский человек к ношению одежды московского кроя?». Или: «Совместны ли католическое и лютеранское вероисповедания с послушанием православному царю?».

Эти важные бумаги зачем-то переводились на несколько доступных языков, стопки писанины росли, одновременно множились сомнения: все ли в этих бумагах верно? Заливной последние две недели безвылазно сидел в «чужом» иноземном приказе и считывал псевдонемецкие каракули.

А Смирного на общественные работы не тронули: очень он был сомнителен по части государственного доверия. Да и вид у него — особенно в боярском присутствии — случался дураковатый. Но вот, оказалось, государь поручил этому простаку какое-то книжное дело, и Висковатый с сожалением отпустил Прохора. А нету худа без добра! У храброго дьяка появились затруднения со сверкой переводов, что означало новую задержку смертельного рейда по страшным балтийским краям.

Теперь Прохор и Федя занялись своей работой — тоже очень медленно.

Сначала Прошка прошелся с загадочным видом по приказным избам и дворцовым службам, осторожно намекнул на посвящение в страшную тайну, кое-где пожаловался, что «не чаёт быть живую», кое-где выпросил отпущение грехов на месяц вперед, кое-где добился «последнего» телесного утешения.

Такие приготовления позволили друзьям требовать еду из походных остатков экспедиции Висковатого, тихо игнорировать Великий пост, свободно совать нос куда попало. Кремлевское сообщество ответило на происки Заливного повышением бдительности: к вечеру у комнатки Федора обнаружился стременистый стрелец. Воин был заметно пьян, но на строгий вопрос, чего ты тут, дубина, околачиваешься, ответил четко, по уставу:

— Мы, значит, господин подьячий, тут урон отбиваем.

— Ка-акой урон?! — протянул Заливной, поднимаясь на носки козловых сапожек. При этом он так задрал голову, что его сдобный подбородок утратил волнистость и натянулся приятной полусферой.

— Обнаковенный, — шмыгнул носом стрелец, — от хмельного заряду.

Далее выяснилось, что военный во время караульного построения неосторожно дыхнул на замначполка сотника Ганса Штрекенхорна, и эта нерусская рожа отставила его с поста номер один — у царской спальни. Но по правилам военного времени переменять разрядку после начала караульной смены не полагалось. Тогда бойца отправили ночевать в дальнюю, самую темную часть царского этажа.

И можно было верить откровениям постового, ибо русский человек именно во хмелю честен и верен, но на следующее утро караул был сменен, а у Федькиной комнаты подремывал новый стрелец — совершенно трезвый, начищенный, с блестящим бердышом, исправной пищалью. Поверх красного кафтана у него был вывешен немалый серебряный крест и популярная иконка «Спаси, Пресвятая Богородица, от нечаянных напастей». Такими иконками бойко торговали на Красной площади, и спрос на них рос неуклонно. Очень помогала Нечаянная в военных походах, почти полностью исключала пожарную и ледоходную опасность, наполовину уменьшала потери от кабацких драк и ночного разбоя. Примерно на четверть снижала произвол московских стряпчих. Еще более необходима была спасительница в опасной кремлевской службе. Выручила она и в этот раз.

Прошлый, ночной страж протрезвел примерно к полуночи, когда за охраняемой дверью раздался непристойный смех, и голос розового подьячего стал скакать по слогам какой-то странной грамоты:

— «Аще пре-лест-ну тварь има-хом, про-нзи ю креп-це!»...

— Слышь, Федька, ты не спи! — тут дальше еще лучше идет! Византия! — подвывал скабрезный голос.

Одно за другим следовали слова непонятные, иноземные, и — видит Бог! — кощунственные. Храбрый часовой покинул пост, на цыпочках спустился в гридницу и выпросил у отдыхающей смены иконку для усиления свойств нательного креста. Освежился водкой, пообещал товарищам рассказать, что там было, и вернулся на место с новыми силами. Кое-как продержался до рассвета. Утренний сменщик принял пост вместе с Богоматерью, хотя с восходом солнца бояться уже не полагалось ничего. Кроме господского произвола.

Федя вышел из комнаты под утро после «всенощного бдения» и наткнулся на стрельца. Настроение у Смирного было шутливое.

— Ты, значит, тут зачем?!

— По служебной нужде, господин дяк! — выпалил стрелец, тараща глаза в Федину переносицу.

Смирной игнорировал лесть. Он и сам частенько называл сотника Штрекенхорна полковником, а полковника Истомина — магистром.

— Ты чьим умыслом подслушиваешь? Известно ли тебе, что тут государево слово и дело сплетаются в единый узел, образуя истинное благоутробие?

Это было слишком сложно, и стрелец приготовился к обмороку.

Но Федор добивать не стал, проследовал на поварню за завтраком. Теперь из проклятой двери выкатил розовый Прошка. Он потянулся, зевнул, похлопал стрельца по спине и запел:

— Какое чудное утро, брат! Солнце сияет, льет Божий свет на купола сорока сороков московских колоколен! Отчего, ты думаешь, столь светла их позолота? — Заливной скосил хитрый глаз на стрельца.

Это было вовсе страшно. Воин натужился, покраснел в цвет кафтана, перекрестился во всю грудь и рявкнул:

— От святости!

Оставленная ради крестного знамения пищаль качнулась, потеряла вертикальную устойчивость и грохнула на пол. К счастью механизм у нее был не слишком чуток и не сработал. Выстрела, слава Богородице, не произошло.

Вернулся с узлом походных пайков Смирной. Друзья сели подводить итоги ночного совещания.

Вот что можно было отжать из предварительного следствия.

Начало нашего, славянского книгопечатания относится к 1491 году. Пока Колумб востриг корабли на Америку, Франциск Скорина в Вильне печатал первые славянские книжки. Это было всего через 30 лет после опытов Гуттенберга, — пустяковый срок!

Царь Иван стремился завести у себя книгопечатание наряду с прочими европейскими штуками. «Штука» по-немецки, как известно, — «предмет», иногда — «предмет искусства». Kunststuck, так сказать. Вот и послал Иван в Европу ганноверского немца Ганса Шлитте для вербовки искусных мастеров. Среди царских заказов у Шлитте числился и печатный мастер. Шлитте решил заручиться поддержкой высоких зарубежных сфер, явился к императору Священной Римской империи Карлу V в Вену, потом к папе римскому Юлию III, — соответственно в Рим. Наврал им, что уполномочен вести тайные переговоры о соединении церквей и вер. Под римским, естественно, началом. Католики проглотили эту ложь, как и в прошлый раз, — при сватовстве бабки Ивана Софьи Палеолог. Очень хотелось латинянам крестить темную Русь в правильную веру.

«Предтеча» Шлитте получил доступ в мастерские стратегического назначения. Он оттуда почти никого не сманил, но сказание о земле русской итальянцам оставил, и с тех пор они охотнее стали паковать дорожные баулы на север. Печатников Шлитте не нашел вовсе. На обратной дороге он угодил в ливонскую тюрьму по подозрению в шпионаже. Завербованные мастера разбежались. Царь Иван осерчал на ливонцев, припомнил старую дань сырым медом, не плаченную уж 20 лет по причине измельчания балтийской пчелы. Так началась Ливонская война.

Одновременно с миссией Шлитте в 1550 году юный царь пытался выпросить печатника у датского короля. Тот прислал ему мастера с нагрузкой — проповедником Миссенгеймом. Сам мастер оказался к делу негоден, — он умел только закладки к переплетам прилаживать, но Миссенгейм книгами владел вполне. Правда, его навыки ограничивались эффектной демонстрацией готовой продукции. Это была, естественно, подрывная литература — протестантская библия и религиозно-полемические книжки. Царь Иван буквально рвал образцы и метал их с досады. Книжное дело ускользало из рук.

Тут митрополит Макарий и протопоп Сильвестр стали рассуждать о сомнительности книгопечати. Они были возбуждены делом вольнодумца Матвея Башкина, поэтому черти им мерещились повсюду. Башкин считался чрезмерно начитанным человеком, критически осмысливавшим каждое слово священного Писания. У него обнаружили томик Апостола «извощенный» (закапанный воском) на каждой странице. То есть, ревизионист читал все подряд! Круглые сутки! И вообще по ночам! И тут нам только печатанья книг не хватало!

В октябре 1553 года на Башкина был созван малый Собор — один митрополит, один архиепископ да пятеро епископов. Кроме Башкина, обсуждали итоги летней кампании. Третьим пунктом святые отцы рассудили о книжной печати так: раз она в руки не дается, значит с нашей верой несовместна, или это православный крест нас от ереси оберегает.

— Какой там крест!? — негодовал Иван и слал искать новых мастеров.

Поиск был безуспешен, пока война не разгорелась по-настоящему.

Стали набирать людей в войско, и сразу обнаружилось много народу, особо ценного в московском обиходе. Нельзя было без этих людей обойтись! Тут имелись знатоки городской службы, поставщики двора, множество мастеров редких профессий. Естественно, все умельцы и грамотеи были неизлечимо больны.

Сразу и печатники сыскались. Два мужика прибежали с западных украин и сказались мастерами книжного дела. Они так любили это новое ремесло, что ради него отказывались от почетной военной службы и даже соглашались принять постриг. Иван затребовал мастеров к себе. Парни выглядели уверенно, клялись, что могут «вырезать книгу» за год и напечатать с одной нарезки хоть сто книг в зиму.

— А в лето? — спрашивал царь.

— Два ста! — ввали мастера и совали под нос царю клочок желтой бумаги с мятым латинским оттиском.

Иван велел приступать к работе немедленно.

Попы — Макарий, Сильвестр, прочие члены Собора заартачились, стали грозить несчастьями. И, правда, к чему рисковать в начале войны?

Иван стоял на своем: печатайте, сукины дети! А боитесь нечистого, так печатайте Евангелие! Посмотрим, кто кого пересилит!

Но вот беда! Печатники исчезли! Просто растворились в московском многолюдье. Архиепископ Ростовский Никандр предположил, что в мастерах возобладал патриотизм, и они бежали в войско.

Это предположение Федор и Прошка взяли на заметку. Не для того, конечно, чтоб скакать в Ливонию, — они учуяли в деле поповский след.

— Итак, — заключил Заливной, — книгопечат на свете существует; мастера есть, но регулярно исчезают; а где у нас можно исчезнуть? — на войне, в сырой земле, в темной воде...

— Или в монастыре — вспомнил детство Федя.

Часть 2. Крестовое братство

Версия монастырского заточения печатников очень друзьям нравилась. Мастера нужны были живыми, желательно здоровыми, предпочтительно трезвыми. Ни могила, ни армия таких свойств не сохраняли. К тому же смысловая связка «книга — монастырь» была очевидна. Как если бы врачей искать в больницах, ангелов — на небесах, бесов — в преисподней.

Решили искать по монастырям. Их насчитывалось несколько десятков — намного меньше, чем безымянных могил. Дело осложнялось тем, что имен печатников никто не знал — заседания Собора происходили в государевых палатах, но протокол вели монахи, и записать мерзкие прозвища побрезговали.

О мастерах можно было разузнать у Сильвестра, но он с прошлой осени отдыхал на Соловках. Старик Макарий не вполне сохранил свежесть мысли, — с Башкинского собора прошло 7 лет, — но попробовать было можно. Смирной стал ходить вокруг митрополичьих палат и однажды перехватил митрополита на выходе. Напросился на беседу по государеву делу. Макарий согласился, но час назвал неопределенно: «Вечор».

Федор прошелся по секретарям преосвященного и понял: не пропустят. Все свободное время у святого отца расписано по часам и минутам — то сон, то молитва, то братская трапеза. Приходилось идти напротырку.

Федя сходил к стрельцам, выпросил огромный заржавленный меч, который валялся в полковом арсенале без дела — слишком тяжел и нелеп. Явился на поварню. Это было единственное место в Москве, где сейчас официально резали мелкую живность — для похода Висковатого. Обезглавленный петух как раз пытался взлететь, и его крови хватило, чтоб окропить грязный клинок. Кровь попала и на затертые кожаные ножны.

Смирной быстрым шагом проследовал в митрополичьи палаты, на ходу взъерошил волосы, у входа ускорился до тяжелой рыси, вломился в дубовую дверь, сшиб монашка-привратника и, голося «слово и дело», полез во второй этаж. Когда он добрался до входа в домовую церковь митрополита, на нем уже висело трое черноризцев. Только грозный рев о государственной безопасности, скором пришествии Антихриста и личной договоренности с Макарием урезонил стражу. Мелкий монашек побежал доложить о посетителе, двое других уговаривали отдать меч. Не входить же в церковь при оружии!

Федя вынул меч из ножен, сунул его одному монаху, ножны отдал другому. От вида крови ребятам стало дурно. Они попятились к узкому окошку — за воздухом. Тут высочил малый. Он хотел сказать, что отец Макарий не помнит никакого Смирного, а о смирении народном молится ежечасно, но Федя оттолкнул его и вошел перекрестясь.

Макарий стоял на коленях и стонал. Казалось, святой отец в голос скорбит о грехах российского народа, о нелепой войне, о падении нравов, о нелюбознательности и невежестве паствы. Но нет, престарелый митрополит страдал от боли в коленях и позвоночнике. Под колени ему подложили мягкую подушечку, но из-за Федькиного вторжения уже 5 лишних минут не поднимали с колен, и старец терпел огонь в суставах и кол в пояснице.

Федор сразу понял страсти Макария, решительно приблизился, взял владыку за подмышки, поднял на ноги. Потом уж сам присел на колени, поцеловал сухую руку, пробормотал нечто приличное моменту, встал и склонился к глухому уху.

Однако, старец вопросов не принимал, водил глазами по сторонам.

«Сесть хочет», — понял Смирной.

Подтащил тяжелое кресло, под локоток усадил митрополита, стал смотреть на него умильно.

Наконец, старик отдышался и собрался вздремнуть, но Федор освежил его дилеммой:

— Скажи святой отец, кто Господу мерзее: еретик Матюха Башкин или прибудные печатники? Как их там?...

Макарий не ответил, но глаза его оживились. Не то чтобы в них вспыхнула искра ненависти, наоборот, — проявился какой-то добрый интерес к теме. Так ветеран минувшей войны вспоминает бывшего врага, так тянется обнять его на юбилейной встрече.

— Помнишь, отче, когда Башкина судили, допрашивали и двух мастеров книжной печати, одного звали...

— Мстиславец... — Макарий кивнул и умолк, один глаза его стал прикрываться, другой засыпал остекленело.

— А второго как звали?

— Черт...

Федор почувствовал холодок в спине, — это мелкий монашек подслушивал в приоткрытую дверь и запустил сквозняк.

— ... его знает, — добавил Макарий через два вздоха и уснул окончательно.

Сказать «черт его знает» в собственной домовой церкви митрополит Московский и всея Руси мог только в чистосердечном состоянии. Но разыскивать черта и спрашивать имя второго мастера не хотелось. Неудобно беспокоить высшие сферы по пустякам. Федор склонился к похрапывающему митрополиту и начал подсказывать путь:

— И тогда Собор приговорил отправить Мстиславца и этого, как его?...

— Хрена вареного, — улыбнулся Макарий каким-то своим, молодым мыслям.

— ... Хрена Вареного, — согласился Смирной, — в дальнюю обитель Божью,...

— Я-с-лаво-с-с-кий монастырь... — Макарий опрокинулся на спинку кресла и распахнул беззубый рот.

«Ярославо-Спасский! Вот же хрен вареный! Опять скакать! Это будет... это будет полтора верста!», — Федя пошел прочь.

У самой двери его остановил голос митрополита:

— И велено было не давать им чернил, сажи, воску и бумаги...

Смирной обернулся. Макарий сидел прямо и смотрел ясно.

— И хотели их трижды обречь смерти. Но я не дал.

— Кто хотел?

— Крестовы братья, сынок, крестовы...

Макарий завалился опять, а Федора потащили за рукав. Трое привратников, стуча зубами, бормотали, что пора ему почивать, как и всем тварям Божьим.

Федор кивнул, хотел идти, но монахи легонько подтолкнули его к окну, где в нише стоял прислоненный меч, похожий в лунном свете на окровавленный крест Страстей Господних...

В ту же ночь снова сидели с Прохором.

Прозвище печатника раскладывали по частям. «Мстиславец» — могло означать одно из двух — привязку к местности, некоему городу Мстиславлю, — на Юге их было несколько, — или принадлежность к двору князя Ивана Мстиславского. Но последнее вряд ли. О мастерстве в боярском подворье было бы известно. С другой стороны, пришествие печатников с южных украин хорошо увязывалось с официальной версией башкинского Собора. По крайней мере, этот мотив успокаивал друзей: митрополиту Макарию слово не померещилось. Нужно было искать «Мстиславца». Место тоже было подсказано — Спасский монастырь под Ярославлем.

Федя настроился скакать сразу. Был у него отдельный интерес. Ярославль лежал на пути до Белоозера, где проживала среди солнцепоклонников таинственная русалка Вельяна, первая подруга Федора.

Но Прохор остудил Смирного.

— Тебе ехать нечего. Там надо сначала все разведать. Давай Глухова пошлем.

Иван Глухов, ближний дворянин царя Ивана служил подьячим Поместного приказа и, казалось, должен был заниматься только бумажными делами — кто какими землями владеет, в каком родстве и на каких правах. Но Глухов частенько посещал царя — совершенно не по чину, ездил с какими-то личными поручениями, возвращался с докладом мимо родного приказа — прямо к тезке Ивану.

Уже через несколько дней Глухов и два его отрока — Волчок да Никита — скакали на Ярославль. Они были прилично вооружены, коней имели крепких, в поводу вели запасных с легкой поклажей. И было-то их всего трое, но лихой глаз из сосновой чащи отмечал главное — с такими лучше не связываться.

Два дня скакали благополучно. В первой половине третьего дня обогнули озеро Неро и проехали Ростов Великий. Вообще-то, в Ростове находился областной епархиальный центр, тут правил архиепископ Никандр, которому подчинялись все приходы и монастыри ярославских земель. Проезд мимо Никандра в его вотчину не вполне вписывался в этикет. Но, делать нечего, — выбирать не приходилось.

На выезде из Ростова навстречу путникам попался конный монах поджарой наружности. Он больше напоминал черного волка, чем благодушного богомольца. На вопрос, как добраться до Спасского монастыря, ответил вопросом, кто вы сами будете. Потом не очень охотно объяснил дорогу, и что Спасских монастырей два. Главный Спасо-Преображенский на Которосли и захудалый — на Волге, недалеко за городом.

«Оборотень! — проворчал Глухов, — вот и тени не отбрасывает... Нет, тень, слава Богу, есть, только очень маленькая — под конем»...

Поехали дальше. Решили, что главные монастыри нам неудобны, а захолустные — в самый раз.

Спасский монастырь, огороженный крепкой стеной, очень красиво смотрелся над гладью Волги. Но Глухову было не до красоты. Он не знал, с какого боку подобраться к выполнению задания. Ну, вот постучит он сейчас в ворота, войдет внутрь. Ребята с оружием останутся снаружи. Игумен выслушает его речь, примет послание от нового царского духовника — протоиерея Благовещенской церкви отца Андрея, благословит. А дальше что? От ворот поворот? Нет, пожалуй, ночевать-то пустят. Охота им узнать московские новости? Охота.

Иван почти жалел, что не взял указа самого царя. Так бы прямо и выписать: отдавайте Мстиславца и Хрена Вареного! Но нет. Заливной по праву старшего в команде решил царя не беспокоить и смуты в монастыре не поднимать. Все казалось Прощке, что печатное дело обширно, имеет много концов, и дергать за один нельзя, можно остальные потерять. Глухову предлагалось продержаться в монастыре, сколько можно. Ничего не предпринимать. Вернуться и подробно описать всех обитателей. А потом решим.

Облегчение миссии произошло на подъезде к монастырским воротам. Никита подъехал первым, хотел лихо соскочить с коня, но почувствовал острое жжение на внутренних сторонах бедер. Вот досада! Опытный всадник, а что-то недосмотрел в собственном седле! Кожаный лоскут отвернулся от луки и лег на боковые крылья седла толстым рубцом. В суе двенадцатичасовой скачки Никита не заметил неудобства, растер ноги.

«Оно бы и ничего, дам тут нету, можно и враскорячку походить...», — но додумать это Никита не успел, поскольку обнаружил повреждение уже на подлете к земле, в завершающей стадии лихого соскока. Внимание молодца отвлеклось на досаду, левая нога попала каблуком на пенек, и резкая боль в щиколотке заглушила жжение интимной мозоли. Рыцарь рухнул, как сноп.

Взвыл Никита порядочно, так что стучать в ворота не пришлось — монахи вылезли на стену впятером. После короткого объяснения ворота распахнулись, всадники ввели лошадей в освященные стены, поверженного героя несли монахи. Носилки у них, оказывается, по обычаю были наготове.

Игумен отец Лавр встретил странников спокойно, принял письмо Андрея, бегло его просмотрел. Кивнул уважительно, хотя были в письме только обычные глупости — благословения, пожелания, цитаты из апостола Павла. Лавр понял послание правильно: новый царский духовник обозначает свое приближение к государю, помечает территорию.

Лавр заметно расслабился, пригласил путников к вечерней трапезе, спросил, долго ли пробудут в обители.

— Нам, святой отче и радостно, и горько, — отвечал Иван смиренно.

— Мы всем сердцем желали подольше пробыть в столь славном и чудотворном месте, но царская служба призывает в Москву для мирских дел. Однако, вот несчастье случилось с нашим товарищем — ногу повредил. Так что, может, и задержимся на день-другой, смотря по тяжести раны.

Глухов сдержался, чтобы вслух не связать свое желание монастырского отдыха с Божьей милостью — вывихом у Никиты.

Отец Лавр как-то остекленел лицом, быстро простился и ушел. А через несколько минут нашим друзьям уже помогала пятерка крепких монахов с мутноватыми глазами.

«Вот и охрана у нас личная, — пробормотал Глухов, — почетный караул».

Вывих у Никиты, слава Богу, оказался тяжелый. Ходить он не мог вовсе. Щиколотка распухла и не влезала в сапог. Ступня вообще торчала неправильно. Такого повреждения должно было хватить дней на семь-десять.

Никиту положили на солому в маленькой келье. Пришел старый чернец-лекарь. Вернее, его привели под микитки ребята из сторожевой пятерки.

Стал чернец бормотать молитвы, но охрана подтолкнула его в ребра очень бесцеремонно. Большой, крепкий монах — старший охранник — шепнул лекарю в ухо отрывистую команду, и началось настоящее лечение. Послали за холодной водой, притащили листья подорожника, еще несколько трав. Появились на свет Божий пыльные бутылки с бурными настоями.

«Э-э! — подумал Глухов, — они тут не только молитвой лечат. Грешат знахарством ради великой цели — выкинуть нас отсюда поскорей!»...

Тем временем на щиколотку Никиты наложили повязку с холодной водой и кусочками льда, внутрь ему влили кружку настоя — «Водка!» — унюхал Глухов.

Лекарь стал в ногах больного, два парня прижали Никиту за плечи, Большой взялся за охлажденную ступню, обернулся на лекаря. Старец прищурил глаз, провел ладонью в воздухе некую линию, подправил стойку Большого и без всякой молитвы проскрипел: «Давай!».

Большой дернул ступню по линии, Никита взвыл. Старец взялся за больное место лично, пошевелил сустав, довольно кивнул, сказал Большому:

— Пять дней.

— А как же... — заикнулся Большой.

— Пять, — нажал старец, — чтоб не пришлось с дороги возвращаться.

Глухов стал не спеша осматриваться в монастыре, посещал все братские молитвы, знакомился с монахами. Это было легко, потому что, за исключением больного Никиты, игумена Лавра, ключника и пары служителей монастырской церкви, все остальные обитатели ночевали в большом бревенчатом срубе без внутренних перегородок и закутков.

Первый день клонился к закату, а никаких результатов пока не было. Монахи держались замкнуто, отвечали сдержанно, беззлобно, но и без учтивости. Они вообще какими-то неживыми казались. Глухов рассчитывал поговорить с мирскими служителями или белыми монахами, которых в русских монастырях бывало больше половины, но ни одного не встретил. Это он взял на заметку.

Перед ужином Глухов сел у волжского обрыва. Сначала повздыхал, что плохо разбирается в монастырских штуках, и что не взяли Смирного. Уж он бы сразу понял, почему нет мирян.

Тут за спиной Ивана на монастырском дворе послышалась возня, топот копыт, сдержанные, но энергичные фразы.

Иван обернулся. Черный всадник как раз отдавал повод молодому монаху. Затем он очень быстро прошел к общежитию, но Глухов успел опознать его. Это был встречный монах с Ростовской дороги. В голове Ивана заработал счетный механизм.

«Так. Монаха мы встретили в полдень под Ростовом. Пусть он отъехал из Ростова почти сразу, значит, с полудня он проскакал верст шестьдесят! Это за семь-восемь часов. Лошадь под ним неплохая и не монастырской выучки», — Иван оглянулся на лошадь, которую монах уводил к дальним сараям.

«Но, все равно, — по семь верст в час, — это быстро! Зачем-то он спешил. Или у него свое срочное дело в Ростове было, или, кроме этого дела, нужно было вернуться и о нас доложить. Теперь успокойся, — мы действительно приехали».

На закате после ужина опять все монастырские молились вместе, даже чернеца-лекаря привели, но Лавра и гонца не было.

«Совещаются», — подумал Глухов. — Если о ростовских делах, то эти дела обширны, — и часу в Ростове не задержался, а сколько докладывает. А если о нас рассуждают, то, выходит, этот гонец здесь не просто на побегушках, а в делах и в совете».

Побродить по монастырю ночью не удалось. В общежитии все легли спать одновременно. Монахи дружно захрапели на голых дощатых топчанах. У двери до рассвета не смыкал глаз сторожевой инок.

Утром, чуть свет, поднялись к заутрене, а еще на полчаса раньше Иван услышал топот копыт, удаляющийся от монастырских ворот. «Опять гонца погнали!».

Уехал, видимо, вчерашний всадник, — его днем нигде видно не было. Вернулся он на следующий день к вечеру. «Снова в Ростов ездил, но уже не так торопливо», — заключил Глухов.

Иван чуял кожей, что нужно быть настороже, что тут за ним наблюдают непрерывно. Скорее всего, никто не был специально назначен следить за Иваном, а просто всем шепнули о необходимости надзора. Глухов все время натывался на взгляды монахов. С Волчком поговорить наедине вообще не получалось — сразу поблизости оказывались большие, подвижные уши. Поэтому и расспрашивать никого из местных по-настоящему не следовало. Разве что дурочку запустить.

Иван еще раз медленно обошел монастырь, погрелся на солнышке, посидел в тени, четко соизмерил пропорции строений, посчитал монахов — их набралось душ сорок. Все это потом следовало нанести на карту монастыря.

Одна мысль зацепила Ивана. Он заподозрил недостачу обитателей.

В трапезной стояло 12 столов. Один молодой монах даже похвастал, что каждый стол имеет собственное имя — в честь апостола.

— А который в честь Иуды?

— Что ты! Что ты! — замахал руками монах, — какая честь Иуде?!

— А как же тогда? На Тайной Вечере 12 апостолов ели тело Христово и пили кровь Его. Иуда — среди них.

Монах занервничал, подкатил глаза к потолку, стал напряженно считать в уме, загибая пальцы. При этом он пошел по проходу между столами, будто вспоминая их названия. Потом радостно возвратился к Ивану.

— У нас 12-й апостол, то есть, стол, в честь святого Павла! Его на Вечере не было! Он потом,.. потом апостолом стал! А за Иудиним столом кто бы смог кушать?! Тошно!

Глухов не стал смущать монаха рассуждениями о том, что в ночь Тайной Вечери, когда Иуда еще только становился предателем, святой Павел (он же Саул) служил агентом Синедриона и готовился уничтожать христиан по всем городам и весям Римской Империи. Рвать их тела и сливать кровь к свиньям собачьим. Так что, еще неизвестно, за чьим столом тошнее.

Модель Тайной Вечери воспроизводилась и за каждым из 12 столов. По бокам их стояли две лавки на 6 едоков каждая. 12 голодных «равноапостольных» монахов дополнялись 13-м персонажем — раздатчиком. Годился ли он на роль Христа? С голодухи чего не померещится! Два пацана-послушника, таскавшие за ним котел с кашей, вполне могли сойти за ангелочков. Или чумазых чертенят.

Так вот, и выходило, что 12 столов по 12 «апостолов», да «Христос» с «ангелками», — всего получается полторы сотни едоков. Пара столов на самом светлом месте в центре трапезной выглядела необитаемой. Это — явно для почетных гостей. Остальные столы имели замызганный, рабочий вид. Но три из них пустовали! Иван только сейчас отметил этот факт. При чем свободные места не были разбросаны там и сям. А именно целые столы в обед оставались незанятыми. Типа, апостолы Петр и Андрей вернулись к занятию рыбной ловлей на Генисаретском озере, а Павел побежал доложить об этом Синедриону.

Совсем не хотелось Глухову расспрашивать, но тут он не вытерпел.

— А что брат, — спросил он монаха, — вот ты кушаешь за столом святого Марка, и у тебя постоянные сотрапезники. Так вы и вне трапезной держитесь своим товариществом?

Монах настороженно молчал.

Иван сделал добрую улыбку.

— Ну, это было бы прекрасно, благочестиво: «товарищество святого Марка сегодня поело быстрее, чем товарищество Матфея, и со стола убрали чище, и селедочных костей под стол не набросали»...

— Да! — радостно осклабился монах, — мы так друг друга и называем — «Марковцы», «Семеновцы»...

— «Петровцы»... — продолжил Глухов, и монах помрачнел, замкнулся.

Итак, три стола находились в отлучке, и, естественно, не в самовольной.

«Петропавловский взвод в полном составе убыл на учения!» — пошутил про себя Иван и пришел к убеждению, что в монастыре больше делать ничего. Никаких затворников и заточников здесь не ощущалось, еду никому, кроме дворовых собак не выносили. Короче, мастеров тут не было. Утратились за 7 лет.

Очень уж хотелось разобраться в здешних тайнах, но разгадка находилась где-то вне монастырских стен.

В обед появился Лавр. Иван подошел под благословение, повздыхал о здоровье Никиты — «еще дня три будет лежать», и отпросился у Лавра в город, «по мирским делам». Глаза при этом сделал сладкие.

«По бабам хочешь пройтись», — прочиталось на лице Лавра.

«По себе, козел, судишь», — прочиталось в ответ.

После обеда Лавр отправился в свою келью, а за ним поковылял рябой кривоногий монах — «Наездник», — окрестил его Глухов. «Гадом буду, — подумал Иван, — вот эту самую рожу можно будет лицезреть завтра в Ярославле. Надо смотреть в оба».

Напоследок Иван занялся разработкой запасной легенды. Он делал это всегда, отправляясь с поручением. Глухов понимал, что каждое тайное дело кому-то хочется разоблачить, и, чтобы достойные люди не мучались напрасно, и чтобы, не дай Бог, не остались обиженными, им нужно подать приятное решение. Первая легенда, официальная цель миссии — доставка послания отцу Лавру от отца Андрея — была правдоподобна. Ну, кто же верит официальным версиям? Для любознательных скептиков под кожу первой легенды полезно загнать легенду-2.

Легенда-2 хорошо объясняла основную неувязку легенды-1. Вот в чем состояла неувязка.

Ярославль и Спасский монастырь были зоной архиепископа Никандра Ростовского, и странно получалось: игумена Лавра протоиерей Андрей извещал о своем возвышении, а его начальника — архиепископа Никандра — нет. Можно было подбросить Лавру мысль, что у Андрея с Никандром любви нету. Но это опасно для будущих дел. Вообще странно, что Андрей отправил мирских посланников. Нужно было выкручиваться.

Глухов прикинул, что извинительной причиной вранья в данном случае может быть государственная служба, например, по военной части: разведка татарских поселений, проверка настроений в городах по поводу войны и т. п. Тогда естественна скрытность, таинственность похода.

Вид великой реки Волги, уходящей в бескрайние южные пространства навел Глухова на мысль о строительстве порта для речной флотилии. «Годится!», — решил Глухов. После некоторых доработок легенда-2 была готова. Иван отозвал в сторонку Волчка, объяснил основу — ровно столько, сколько должен знать подручный, — вдруг будут пытаться, так чтоб признавался в меру. Хотя пытаться, кажется, не должны.

Около трех часов, открыто и назойливо выпросив у монастырского писца лист бумаги, Глухов отъехал в город.

Ехал не спеша. На полпути увидел толпу в черном. Три десятка монахов вполне упорядоченно шли навстречу. «Петропавловцы!».

Глухов съехал на обочину, повернулся к проходящим и стал поочередно осенять их и себя крестным знаменем. Со стороны это напоминало проводы последнего взвода на линию фронта. Глухов почувствовал себя старцем, негодным к строевой.

Монахи понуро шли мимо. Вид у них был усталый. Сапоги, ... — кстати, почему они в сапогах?.. — покрыты толстым слоем пыли, лица красные, потные.

Глухов на всякий случай пересчитал ходоков. Конечно, их было 36. Три стола возвращались без потерь. Выделялись их командиры, — «столоначальники». Иван прищурился и запросто представил этих молодых ребят в красных стрелецких кафтанах или панцирях немецких алебардьеров. «Монастырь так же лишает нас юности, как и война», — грустно дурачился Глухов.

Уже через пару часов он был в Ярославле и раскладывал вещи в небольшой чистенькой комнатке не самого дешевого постоялого двора. Здесь, конечно, тоже имелся вид на Волгу, боковым зрением прихватывался местный кремль с соборной церковью «главного» — Спасо-Преображенского монастыря. Дверь комнаты запиралась на замок грубой и крепкой работы. Кстати, тут и поесть можно было, — первый этаж рубленого здания занимала обширная трапезная — едоков на сорок. «Тройная Вечера», — усмехнулся Глухов, — вот как нужно назвать этот кабак!».

Утром Глухов проснулся рано, но завтракать вышел поздно. Примерно час ушел на изучение внутренней обстановки, щелей спальни, системы оконных рам, расположения окрестных деревьев. Еще минут сорок Иван наблюдал через подходящую прореху посетителей обеденного помещения. «Наездник» появился в восьмом часу утра. «Вишь, какой набожный! Заутреню отбывал в родном монастыре!» — усмехнулся Глухов.

Иван собрал свой легкий дорожный коробок, положил туда письменные принадлежности, бумагу, пистолет с припасами. Кинжал вывесил на пояс. Вышел к едокам. Естественно, он озибался, держался спиной к стене, сел на край лавки в самом темном углу. Отсюда высмотрел в другом углу рябую рожу Наездника. Урод делал вид, что озабочен только утренним пивом.

Иван поел, прихватил с собой большой пирог, объяснил кабацкому человечку, что идет на природу, спросил, не пропадет ли пирог в случае жары. Вышел наружу и медленно пошел

к берегу Волги. Пройдя две улицы, перешел на солнечную сторону и занялся подозрительной возней.

Сначала Иван сделал в дорожной пыли крупный шаг. Достал из коробки пистолет и измерил длину шага по его отпечаткам — в пистолетах. Получилось четыре с четвертью. Иван достал лист бумаги, записал научные данные. Плюнул на палец, поднял его вверх, определил направление ветра — северо-восток — нормальный утренний бриз.

Тут Иван вспомнил, что государевым указом от прошлого года предписывалось отсчитывать дорожные пути от ямских станций. В городе нулевой отметкой должен считаться лошадиный рынок, казенные конюшни, или другая приметная точка, откуда естественным образом начинают свой бег государственные кони. Иван подозвал мальчишку, с трудом выпытал у него, где тут казенный ям. Ближайший ям оказался далеко — на полпути к Ростову. Это Иван и сам знал. Тогда он пошел к «естественному казенному месту» — Ярославскому кремлю. От въездных ворот кремля пошел увеличенным, «мерным» шагом прямо к Волге. Каждые сорок шагов отмечал в бумажке палочкой. Наездник тащился за ним не очень осторожно, все время вываливался из тени.

Когда отсчет шагов от кремля до набережного обрыва был окончен, Иван уселся рисовать карту будущего речного порта. Он так увлекся игрой, что стал разрабатывать военный пункт на полном серьезе. Иван чертил, не поднимая головы, и Наездник смог подобраться совсем близко — в кусты на ближайшем пригорке. Теперь он тоже водил глазами туда, куда и Глухов — то в бумагу, то вдаль.

Внизу и справа, там, где в Волгу вливалась Которосль, виднелся продолговатый каменный остров. Поселений на острове не было. А хоть бы и были, нам ли это помеха? С нашим-то государем Иоанном Васильевичем что ж мы поселение не перенесем?

Глухов прикинул, что остров — отличное место для базы флота. Город — рядом, мост через протоку можно охранять, и остров сразу превращается в крепость. Место не топкое, значит, заливаться не будет. На холмах острова можно построить лабазы и укрепления, в протоку загонять суда, выстроить водяные частоколы, верфи всякие — тут можно немцев каких-нибудь пригласить для расчетов. А по Которосли — прямая дорога на Ростов!

Фантазия Глухова разыгралась. Он уже видел, как строятся в протоке огромные, многомачтовые корабли, как грузятся на них полки в красных кафтанах, как тысячи рабов несут в трюмы припасы для плаванья, как блестят на палубах медные пушки, как полощется на главном корабле черное великокняжеское знамя с ликом Спаса. А вот и попы пожаловали. Старый митрополит Макарий к началу водного похода не поднялся, зато молодые прибыли все. Вот они — архиепископы Никандр Ростовский, Пимен Новгородский и Трифон Полоцкий, епископы Афанасий Суздальский, Симеон Смоленский, Филофей Рязанский, Варлаам Коломенский, Матфей Сарский, Иоасаф Пермский — благословляют православное воинство на подвиг, поют многогласно, красиво, но неразборчиво. Приходится отцу Андрею Благовещенскому переводить благую весть на человеческий язык. Он шепчет перевод в ухо какому-то здоровяку в меховой шапке с золотым верхом, и здоровяк довольно посмеивается.

Батюшки! Да это ж наш царь Иван Васильевич! Он лично прибыл проводить флот в бескрайний простор.

Но нет! Смотрите-ка! Не проводить! Царь лезет на борт переднего корабля, и на мачте сразу вспыхивает кроваво-красное полотнище царского знамени с черным орлом Ивана Великого! Царь тоже идет в поход! Ну, тогда другое дело! Тогда мы не зря поплаваем! Курс на Казань, Астрахань, Персию, Царьград!

Флотилия отваливает, уходит вниз по Волге под раскрытыми парусами, исчезает в туманной дали. И скоро из южных стран начинают поступать странные и величественные сообщения. Доносят, что, узнав о царском походе, все басурманские вожди встали на последнюю битву. Решили они запрудить Волгу, чтобы некуда было нашему царю плыть. Погнали своих чумаzych

в навал, поперек реки. И стала вода в Волге подниматься. И чем больше басурман в нее лезло, тем выше поднималась вода и топила нехристей. Когда наши подплыли, увидели, что дальше Волги нету, а есть большое Хвалынское море. А посреди моря стоит гора из утопленников, а на вершине блестит золотой шатер. В шатре сидит последний, самый главный басурманин. Тогда наш царь приказал навести на шатер все пушки и махнул своей шапкой. Ударил страшный гром, шатер упал, гора рассыпалась, море хлынуло в прорву и смыло агарян с лица Божьего мира...

Тут Иван проснулся, собрал пожитки и пошел на постоянный двор пообедать, вернее, поужинать.

Ужинали скопом, под кислое, но очень крепкое пиво.

Иван Глухов, усталый, упаренный дневными трудами, очень быстро впал в исконно русское состояние. Это когда голова работает сложно, красиво, с лирическими отступлениями, язык поворачивается неловко, но слова произносит умные, а ноги не хотят идти вовсе — отдыхают.

Вокруг москвича сама собой образовалась компания местных завсегдатаев. Наездник тоже подсел поближе, внимательно слушал, пригибаясь за глиняный горшок с пареной рыбой.

Глухову сиделось легко. Он хоть и держал привычную настороженную форму, но в душе резвился — не страшно было оказаться разоблаченным, выслеженным, подслушанным. Он, конечно, переходил на шепот, когда выбалтывал собутыльникам казенные тайны, но разве это были не русские люди? Разве побегут они доносить о московском разведчике? Разве поплывут через реку и по реке в татарские улусы? Нет! Вон, какие у них честные русские лица!

Постепенно разговор перешел на красоту родной природы. Глухов поднял палец, будто и здесь, в душной атмосфере кабака хотел определить направление ветра, и сказал, что, природа ваша, дорогие ярославцы, не только приятна снаружи, но и полезна внутри...

Почему чуть не завязалась драка? А потому что грузчик с рыбной пристани подумал, что «ваша природа» означает «вашу породу» или, — что еще хуже, — «вашу родительницу», то есть, мать. Дальше он логично предположил, что внутренняя польза его матери никого не касается, тем более, московского хлыща. Пока грузчика усаживали на лавку, пока объясняли особенности московского диалекта, пока он водворял короткий нож обратно за сапог, Наездник подсунулся ближе. Он был теперь не в рясе, а в обычной рабочей одежке, так что просто слился с грузчиком в одно холщовое пятно.

Тут Глухов с извинением и дополнительным всеобщим угощением разъяснил, что польза ярославской природы имеет высокое, государственное значение. Он снова поднял палец, и Наездник, а за ним и худая шлюшка — торговка вяленой воблой — перекрестились в потолок.

Конечно, тайну раскрывать не стоило, но народ здесь, мы видим, подобрался проверенный, готовый к битве за родину, так кому ж и рассказывать о грядущих свершениях? Кто ж, как не эти простые русские люди, построит великие корабли, кто понесет в их трюмы свинец, порох и солонину, кто пролезет в закутки к гребцам и будет всем телом остужать их мозоли?

Короче, слушайте!..

Рассказ о грядущей экспансии на юг постепенно перешел в групповое обсуждение плана, тут же последовало коллективное уточнение секретной карты, причем грузчик опять чуть не подрался с рулевым рыбацкой посуды в споре о прибрежных мелях. Наконец, совсем стемнело, и, повинуясь очередному поднятию глуховского пальца, девушка-вобла потащила сыщика наверх — обнажить свои патриотические глубины...

«Ох, и дрань же это волжское!» — думал Глухов утром.

«Воблы» рядом не было, сохранялся только общий рыбный запах, но он мог проникать и через распахнутое окно.

Отсутствовали также:

— золотой нательный крест ценой в полтора рубля,

— кошелёк серебряных денег — копеек на сорок,
— тайный план Ярославского военного речного порта.

Сохранились в неприкосновенности:

— кинжал дамаской стали с ручкой из моржового клыка и перламутровой инкрустацией,
— пистолет двустольный английской работы,
— пятьдесят рублей золотом в голландских ефимках,
— кожаный пояс со всеми этими удовольствиями.

Глухов совершенно пришел в себя, прикинул, что два рубля — нормальная плата за продвижение дезинформации (услуги девушки-воблы в счет не шли), и стал лежа думать о главной текущей задаче. Ноги ходить по-прежнему ленились.

Иван встал, походил насильно, выпил воды. Вспомнил мелкую деталь вчерашних посиделок. Она, как гвоздь, торчала в светлой картине пивного беспредела. Какой-то странный, серый человечек с помятым лицом весь вечер держал дистанцию в обеденном зале. Он слишком правильно садился и пересаживался, не приближался более необходимого, несколько раз выходил вовсе. Исчез, когда грузчик второй раз потянулся за ножом.

Теперь Иван вспомнил свой вывод, сделанный по ходу событий, продиктованный про себя три раза, впечатанный в память усилием нетрезвой воли: «Он привязан к Наезднику».

Иван вспомнил, что Серый пересаживался, отступал, приближался только тогда, когда Наездник менял позицию.

«Бойтся Наездника. Интересуется происходящим», — подвел итог Иван.

Глухов спустился вниз, посидел немного на лавке, вышел во двор и обнаружил Наездника. Монах силился взобраться в седло. Наконец ему удалось, и лошадь резко взяла с места. «Сама дорогу знает», — понял Иван. Монах умчался, болтаясь в седле чучелом. Глухов вернулся в сени, но боковым зрением, почти затылком заметил серое пятно в тени забора. Он остановился в сенях и стал через щель рассматривать Серого человечка.

Мужик этот был обыкновенным русским мучеником, на лице которого отпечатались голодные годы, умеренная выпивка, счастливое нищее детство, военные тяготы и окончательное понимание безвыходности.

В России такой житейский набор обычно успевает случиться лет за 30. Человек растворяется в серых буднях и серых одеждах, и только тайный огонек продолжает искрить в глубине выцветших глаз. Собственно, этот огонек и есть наша русская душа. Только он один пока неподвластен верховным силам, только с ним ничего не могут поделаться ни князья, ни цари, ни церковь, ни Бог. Вот почему так беспокойно сидится на российском престоле слабым и лукавым нашим вождям. Страшно гадам, что перестанет Серый Человечек смотреть в землю, потеряет интерес к отвалу почвы по осиновому сошнику или стальному лемеху, возьмется за осиновый кол или стальной нож.

И все! Напрасно будете вы кричать о правах человека на свободный обман, напрасно будете молить о пощаде хотя бы вашим детям, напрасно станете взывать к махровым законам и хитрозадые конституции. Осиновый кол не станет слушать, — ему недосуг! Он как раз будет крошить ваши ребра под английской шерстью!..

Так было, так бывает на Руси регулярно, с неуклонностью хода планет.

Но сегодня, в это ясное летнее утро глаза Серого Человечка смотрят в землю — на стертые сапоги из бычьей кожи. И нож спокойно потягивается за голенищем.

Иван мог бы еще какое-то время следить за Серым, но уже понял: человек интересуется не им, а Наездником. К тому же Иван продолжал веселиться — разыгрывать московского офицера по дурацким поручениям, безопасного в обыденной жизни. Поэтому вышел из сеней,

прихватил Серого за рукав, — тот как раз хотел юркнуть вдоль сарая, — и ласково завалил под стенку.

Произошел диалог. Первая часть состояла из уверений в совершенном почтении. Вторая — в передаче Серому круглой золотой штучки размером с ноготь большого пальца. Третья — в сбивчивом мычании Серого о сути дела. Суть эта чудесным образом совпадала с сутью глуховской миссии. «Слава тебе, Господи! Слава тебе, Христос! — радовался Глухов, — не зря спалил я казенный ефимок!».

Серый оказался беглым монахом. Впрочем, Серым, беглым и монахом он был не всегда. Жизнь этого человека, как и жизнь многих горьких русских рассказчиков, начиналась вполне приятно.

Серый родился во Владимире в свободной торговой семье. Солнце тогда было яркое, зелень — зеленая, природа — нетронутая, зверь — непуганый, нравы — неиспорченные. Серый вырос, получил домашнее образование, — умел читать расписки, считать до сорока сороков, понимал деньги всех систем, измерял физические величины в сыпучих, горючих, твердых, жидких и линейных единицах. С таким серьезным багажом отец стал посылать юношу в торговые поездки — в Ростов, Москву, Новгород. Серый возмужал, женился, построился, обжился. Но годы шли и прошли, — миновала первая молодость. Так везде бывает, что молодость вдруг кончается. Но на Руси это случается очень неожиданно. А с молодостью уходит и многое другое.

Вот и для Серого солнце стало как-то мутновато проглядывать сквозь дым пожарищ, пожилая зелень не выдерживала и этих лучей, — сворачивалась желтыми лоскутами. Зверь ушел в дальние леса, нравственность рухнула, люди остервенились. Потянулись какие-то нелепые, мелкие войны, стычки с удельными соседями. Кладбища выползли на бывшие пахотные земли. Куда-то делась семья Серого, растворились товары и деньги, сгорели дома и сараи. Однажды Серый проснулся, глянул на дымное солнце и понял: никого тут нет, — только он один, да еще Бог на небе. Человек взвыл к Богу: что ж ты сидишь, мать твою непорочную?! Или я не тварь твоя? Что ж ты меня убиваешь? Я же служить тебе должен! Или тебе покойники лучше служат?

Бог что-то промурчал о смирении. То есть, о еще большем смирении. Серый плюнул в горелую землю и согласился смириться глубже, но в последний раз. И дал обет, что если смирение не поможет, то уж тогда, старый хрен, не жалуйся! Ты русских мало знаешь, всего 666 лет!

Серый подался в монахи, слил последнюю заначку в монастырский общак. Долго постился, каялся, болел. С трудом, но окончательно подавил шевеление плоти. И совсем уж примирился с Богом, как вдруг заметил, что коварный старик разбирается с ним не напрямую! Игумен Спасского монастыря Лавр стал строить Серого, заявил, что имеет от Бога прямое откровение по новой службе. Эту службу, — кому, неясно, зачем, непонятно, — нужно нести совсем не по-монашески. Физические данные Серого еще позволяли скакать верхом, плыть под парусом, колоть копьем, рубить кривой татарской саблей. И Богу, по словам отца Лавра, эти навыки очень нужны. «А как же „не убий!“?», — спросил Серый. «А на хрен! — если Богу угодно», — отрезал Лавр...

Серый рассказывал медленно, плавно, обреченно, и Великое Солнце достало-таки собеседников в тени сарая. Перешли в темный угол гостиничной трапезной. Под резвое пиво рассказ потек быстрее. Выяснилось, что Спасский монастырь — это как бы и не монастырь вовсе, а военное поселение.

— Так я там был! — сказал Глухов, — и оружия не видел!

— Так тебе и покажут! А видел ты хоть одного старца, постника, отшельника?

— Да. Там был такой лекарь полуслепой...

— Ну, лекарю верхом скакать не надо, его в телеге возят. Наука лекаря с годами приобретается — как раз к седым волосам. Зато остальные? — Серый ударил воблой о стол.

— Да, остальные — как на подбор. Молчаливые, крепкие. На братской молитве поют строевым хором.

Серый прожевал пласт воблы, выдержал тревожную паузу и заявил неслыханное. Будто в Спасском угнездилося некое Крестовое братство, вернее не все братство, а только его передовой, ударный отряд в сотню сабель.

— Само-то Крестовое воинство сидит в Спасском и по другим монастырям, а Крестовые Отцы, я так считаю, засели в Ростове, у архиепископа...

«Надо было ему пива не давать!», — не поверил Глухов.

— И зачем это братство?

— Тут, понимаешь, какая штука! — возбудился Серый, — попы считают себя верхушкой народа. Они и грамотные, и философию понимают, и к Богу ближе всех. И их бесит, что миром правят нехристи! Не в том смысле, что жида и магометане, а в смысле, что не всерьез принимающие Христа. То есть, миряне, князья, цари. Грешники. И кажется святым отцам, что их подвиг — исправить этот мир, принести в него веру, внушить надежду, возбудить любовь и все такое...

— А кто же спорит, — хмыкнул Глухов, подливая.

— Никто не спорит. Однако, медленно исправляется. То есть, не исправляется вовсе. И не внушается...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.